

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

№ 64
(1400)

Орган Министерства культуры ССР в Центрального

Комитета профессионального союза работников культуры

Вторник, 29 мая 1962 года

Цена 3 коп.

МОЖЕСТЬ ВЫСТАВОК прошло за последние годы. Были здесь и обширные выставки — они говорили о том, как обогатилось, расцвело новым краскам искусство полиграфии во всех наших республиках и краях, говорили о поисках и открытиях, о том, как смело пробуют живописцы, графики, ваятели своих силы даже в самые сложные виды и жанры, в самых различных техниках. Они эти выставки, пронесли духи большой страны, жизни и величественной борьбы народа — строителя коммунизма.

Были и персональные выставки, где отдалные мастера, очевидно разные по своему творческому складу, подводили итоги долголетия своих труда. Были и такие, где слышались ложные еще голоса молодежи, которая несла порой с задором и даже с вызовом свою первые заряды.

Открылись, возмущали деревни многих мастеров, которых еще совсем недавно величили молодежи, — сейчас они уже составляют крепкое среднее звено в искусстве наших дней.

Возникли и запомнились как обещание и надежда многие новые имена. Это очень важно. Ибо в чем же так явственно сказывается потенция роста любви национальной художественной школы, как не в росте молодежи, продолжающей дело отцов?

Ярче обозначились ряд важных теоретических линий, например геттоизм и искусству масштабных эпических форм. Народ в величии его исторических подвигов и в общности со-зидательных дел и совершенствования героями большинства произведений.

Получили широкое признание триптихи Т. Коренева, «Коммунистическая семья», «Мамы боярьшины Ткачевых», комсомольские братства Ткачевых, комсомольцы В. Чакинова и ряда других картин, где есть и драматизм, и событийность, и пси-хологическая проникновенность.

Во многих портретах полнокровно раскрыты чувства героев, драма анализа характера, душевного мира, зритель ощущает яготу типичности для наших дней. В множестве портретов жизни не отступают — она искается, течет полноводно, побывает.

Портрет У. Земзарина, Э. Некрасова (его цикл рязанских и кубанских колхозников), В. Никитина дают возможность обознать героя, его интеллигентность. Образованность и люди, миру драмы в состоянии задумчивости передадут в портрете противники и депутаты-революционеры Т. Судаковой у Ф. Филимонова.

Мастера индивидуального портрета не боятся усиливать поэтические начальства, выйти из рамки сугубо своего жанра. Они вводят породы исторических архетипов, как, например, что делает Н. Веселова в портрете председателя колхоза А. Долгова. Они часто показывают своих героев в активном действии — так, как, скажем, Г. Кабачев, бригадир А. Переяславкин или Н. Савинов, сквозь пламя огнемедов.

Портретисты отнюдь не пре-образуют возможностью во-лечь зрителя в ту среду, в которой действует их герой, будь то интерьер (спомним портрет композитора Каре Каравея у Т. Салакова) или пейзаж у молодого туркменского художника И. Клинича. А вот в юмористической картине художников расположат головами более широкими возможностями, хотя бы потому, что может показать своих героев в активном взаимодействии с другими, где сама склонность заставляет помогать, под-рассказать о человеке и о внутреннем мире, раскрыть его отношения к проис-шествию, — в смешной картины живописи слишком честно налагают на себя добродушные пути. В ряде случаев портряет бедность психологического языка, некая наро-довая притянутость, стер-тья чувств, которая постепенно превращается в сознание зрителя в досадное одиночество — однобранье, когда-то скрасившее сценами эффективных и изысканных имен.

Не потому ли с такой теплотой, как последнюю сцену, как теплое человеческое чувство, синхронно на последней выставке зрители задумчивый мор целинной серии Д. Морского, московскую под-сюжетную серию Ю. Пименова, пессимистичную С. Чуйко и ряда других мастеров, художники не замыкали творческий порыв в стро-активистические рамки.

Одни из главных движителей, душа и искусства, эмоционально богатому, способному мечу, теплу зрителя, — это значимость, яркость и сила есть и мыслей самого ху-дожника.

Думается, такая значимость есть в смыслах выставок по странам художников, поскольку всегда в них многое, что может быть речью едином интересом к нации, но не о разном.

ЗДЕСЬ Я ДОЛЖНА скла-

зить, что причиной само-

ограниченности художников, привнесших от полиграфии разности, чаще всего и в индустрии, в следование за модой, определяемой про-дуктами, усиленно продвигаемыми некоторыми критика-ми, — внешне можно остан-

ко

В ТЕАТРАХ СТРАНЫ

ПРОЗРЕНИЕ ПРОФЕССОРА ЗОННЕНБРУХА

ВАХТАНГОВЦЫ недавно показали одну из ранних пьес Леона Кручинского — «История одной семьи». Может ли пьеса Кручинского вдохновлять зрителя в наше время? Не утратила ли она своего значения? Ведь со временем ее создание прошло уже более десяти лет. Спектакль вахтанговцев (постановка И. Рапопорта, художник М. Вишневецкая) дает вполне право утверждать, что воспринимаемые в исторической перспективе события, показанные в пьесе, звучат остро и современно.

Пьеса идет под названием «История одной семьи». Ее главные герои сизмы узами близкого родства. Это крупный учёный, профессор-биолог Вальтер Зонненбрух (М. Астанин), его жена Берта (Н. Русланова), их дочь Руф (Е. Доброродова) и сын Вилли (Ю. Любимов), зовы их старшего сына Лизель (Л. Пашкова). Но судьбы семейства Зонненбрухов, как она раскрыта Кручинским, — это одновременно и отражение исторических поворотов в судьбах немецкого народа в годы второй мировой войны в первую очередь крушения фашистского режима. Недаром в орнаменте пьесы (он переносит нас из 1943 года в послевоенную пору) профессор Зонненбрух уже хорошо понимает — недостаточно хранить в душе верность идеям гуманизма, а те широкие обобщения, которые в ней заключены.

Путь профессора Зонненбруха от пассивного непротивления страшной действительности нацистского режима к активной борьбе против наследников и покровителей нацистов — путь многих честных немцев. В эпилоге пьесы (он переносит нас из 1943 года в послевоенную пору) профессор Зонненбрух уже хорошо понимает — недостаточно хранить в душе верность идеям гуманизма, нужно бороться против тех, кто ищет готов вывернуть Германию в катастрофу войны. Это знание идет профессору Зонненбруху дорогой ценой. М. Астанин проявляет своего героя через множество испытаний, наполненных подлинным драматизмом. Профессор Зонненбрух в конце концов понимает, что политика западных оккупационных властей направлена на возрождение милитаризма, и он заявляет о своей готовности бороться против этой опасности.

Эпilog спектакля — и в этом главная заслуга Астанина — не иллюстрация, не простое механическое дополнение к пьесе. Здесь охрупывается позиция самого профессора. Вальтер Зонненбрух и страшна необычайно важна. Выход, к которому он пришел, найдет свое применение в будущем.

Решающим этапом в судьбе профессора Зонненбруха оказывается его неожиданная встреча с бывшим учеником, бежавшим из концлагеря, Иоахимом Петерсом (Н. Тимофеев). Петерс — живое олицетворение

творение той жестокой правды, от которой его учитель хотел отгородиться замкнувшись в гордом одиночестве. Само появление Петерса в доме профессора, очень тяжел. И он должен быть сыгран значительнее, драматичнее, остree.

Образ Руфи по праву занял в спектакле важное место. Перед исполнительницей роли открыются большие возможности и вместе с тем возникают свои трудности. Они коренятся в некоторой загадочности психологического облика Руфи в самой пьесе. Она жертвуя собой, спасая Петера, и в то же время говорит ему, что делает это не из солидарности с его идеями. Кто же таинственная Руфи? Тут можно ответить по-разному. Ответ Е. Доброродовой достаточно обоснован. Мы внимательно следим за глазами Руфи, которая постоянно наблюдает за всем происходящим вокруг нее, в первую очередь — во Франции. Мы слышим явный вызов в словах, обращенных к брату Вилли — эсэсовцу, разъясняющему тем, что Петерс ушел из его рук. И мы понимаем, что был бы иначе Руфи, если бы имела власть над Петерсом. А Емельянов, играя роль полковника, несколько спасает положение, привнося столь необходимую здесь жесткую, серьезную поту.

Пьеса Л. Кручинского начинается темой антисемитизма, которая беспощадно отнимает всю несостоинство его позиций. Он торопится поскорее избавиться от нежданного и такого же неудобного прещельца. Если бы не вмешательство Руфи, то дело не было бы таково. Но это сочувствие Руфи? Тут можно ответить по-разному. Ответ Е. Доброродовой достаточно обоснован. Мы внимательно следим за глазами Руфи, которая постоянно наблюдает за всем происходящим вокруг нее, в первую очередь — во Франции. Мы слышим явный вызов в словах, обращенных к брату Вилли — эсэсовцу, разъясняющему тем, что Петерс ушел из его рук. И мы понимаем, что был бы иначе Руфи, если бы имела власть над Петерсом. А Емельянов, играя роль полковника, несколько спасает положение, привнося столь необходимую здесь жесткую, серьезную поту.

Разговор профессора с Петерсом, следующий за этим, — значительный и трудный момент в пьесе. Здесь легко впасть в риторику, прибегнуть к декларативности. И в спектакле еще не преодолели трудности, возникшие в этой сцене. Диалог профессора и Петерса частично скрыт, видимо, именно из-за близких риторических. Но при этом исчезло многое, что в оригинальном тексте пьесы придавало ей особую внутреннюю наполненность. В результате осталось напряжение борьбы, которая происходит между учителем и его бывшим учеником. Ведь теперь ученик учит учителя, и не просто учит, но и оспаривает его мнение, обижает, гневится и страстно взывает к тому, что лучше ему. К сожалению, именно гнев и страсти не хватают исполнителю роли Петера. Присущий его героям в пьесе определенность санта, невиновности к фашизму, подлинная одержимость духом несправедливости борьбы передана как-то уже очень сдержанно, робко. Между тем сама обстановка, в которой развертываются события, их огромная внутренняя эмоциональность и драматизм обзывают к большей смелости и насыщенности сценических красок.

Несколько односторонне раскрывается в этой сцене и Зонненбрух. Внимание зрителя направляется преимущественно на горе отца, понимающего, что грозит Руфи, арестованной гестаповцами. А ведь главная мысль сцены в том, что рушатся насилие и страсти, когда-то смигнули их. К сожалению, именно Альберт, исполнитель роли Петера, не сумел привнести в пьесу этого. Близкий Гонопольский, вспомнился шведский профессор Зонненбруха Антон.

В спектакле найдено многое. И все же возможности, которые из этого раза драматурги открыли перед исполнителями, не забывает об этом. Так, прекрасно передает исполнитель роли Петера — Л. Пашкова. Это чувство, что Петерс — настоящий — Лизель — пришла к нему. Альберт, исполнитель роли Петера, не сумел передать в пьесе этого. Близкий Гонопольский, вспомнился шведский профессор Зонненбруха Антон.

Недостатки спектакля неизбежны. И главное не в них.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

Спектакль открылся перед театром, к Богам достигнутого результата. Этой нельзя уменьшить, особенно если учить что спектакль только начал свою сценическую жизнь.

